- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-169-174

ДЕГТЯРЕВ Даниил Дмитриевич,
аспирант 3 курса ОЧУ ВО
«Московский инновационный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются современные тенденции цифровизации судебных систем в зарубежных странах. На основе сравнительного анализа рассматриваются две взаимодополняющие парадигмы: концептуальная трансформация роли судов под влиянием цифровых технологий и практическая реализация моделей интернет-судов (на примере Китая и Индонезии). Вводятся и концептуализируются понятия «традиционного суда», «дематериализации» судебного пространства и «технологических судов». Формулируется авторский подход к правовой природе «технологических судов» как «квази-судебных» органов, функционирующих за пределами публичного правосудия. Делается вывод о необходимости переосмысления традиционных институтов правосудия для сохранения их роли в защите прав человека в условиях доминирования технологических платформ.*

Ключевые слова: *цифровое правосудие, искусственный интеллект, интернет-суд, блокчейн, технологические суды, дематериализация суда, традиционный суд, права человека, доступ к правосудию.*

DEGTYAREV Daniil Dmitrievich,
3rd-year postgraduate student at the Moscow Innovation University
(Private Educational Institution of Higher Education)

DIGITAL JUSTICE IN FOREIGN COUNTRIES: CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATIONS

Annotation. *The article examines current trends in the digitalization of judicial systems in foreign countries. Based on a comparative analysis, two complementary paradigms are considered: the conceptual transformation of the role of courts under the influence of digital technologies and the practical implementation of Internet court models (using the example of China and Indonesia). The concepts of "traditional court", "dematerialization" of judicial space and "technological courts" are introduced and conceptualized. The author's conclusion is formulated about the legal nature of "technological courts" as "quasi-judicial" bodies operating outside of public justice. The author concludes that it is necessary to rethink traditional justice institutions in order to preserve their role in protecting human rights in the context of the dominance of technological platforms.*

Key words: *digital justice, artificial intelligence, Internet court, blockchain, technological courts, court dematerialization, traditional court, human rights, access to justice.*

Цифровая трансформация оказывает глубокое воздействие на все сферы общественной жизни, включая судебную систему. Традиционные суды, исторически сложившиеся как физические институты с опорой на профессиональную юридическую экспертизу, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым вызовам динамически меняющегося мира. Данный аспект порождает две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, переосмысление самой сути суда как социального и правового института, а с другой — появление практических моделей полностью цифрового судопроизводства. Актуальность темы обусловлена фундаментальным вызовом, который цифровизация бросает традиционной парадигме правосудия, требуя комплексного

научного осмысления как теоретических, так и практических аспектов этого процесса. Для осмысления цифровой трансформации правосудия необходимо определить базовые характеристики традиционного суда как институциональной модели. Анализ зарубежной правовой доктрины позволяет выделить ключевые подходы к осмыслению традиционной модели суда не как технического этапа, а как глубокого социокультурного феномена.

Д. Мейерсон определяет суд как *«артефакт, намеренно созданный для выполнения определённой функции в общей конституционной системе управления»* [1, с. 122]. Суть этой функции состоит в *«обеспечении соблюдения и поддержании правопорядка»*. Л. Фуллер, разрабатывая теорию судебного разбирательства, определил его как *«механизм, придающий формальное и институциональное выражение влиянию разумной аргументации в человеческих делах»*, несущий на себе *«бремя рациональности, которого не несёт ни одна другая форма социального упорядочения»* [2, с. 366]. Отличительной характеристикой судебного разбирательства, по Фуллеру, является то, что оно предоставляет затронутой стороне *«особую форму участия в принятии решения — представление доказательств и обоснованных аргументов»*. На основе анализа правовой доктрины можно выделить следующие основные признаки традиционного суда: физическое присутствие (материальность), предполагающее, что деятельность суда исторически осуществляется в зданиях, открытых для публики [3]; публичность разбирательства, выраженная в открытом доступе к судебным заседаниям; независимость и беспристрастность судьи [1]; процессуальные гарантии, включающие право быть услышанным и соблюдение процедурной справедливости [2]; мотивированность решений, состоящей в том, что судьи «публично обосновывают свои решения, предоставляя мотивировку, основанную на объективных правовых стандартах» [1]; привязка к государственной юрисдикции: суд функционирует как элемент государственной власти, опирающийся на суверенитет [1].

Р. Сасскинд характеризует традиционные суды как институты, *«по большей части разработанные юристами для юристов»*, которые *«слишком дорогие, слишком медленные и едва понятные для неюристов»* [4]. Именно эта неспособность традиционных судов обеспечить доступное правосудие становится главным катализатором цифровой трансформации. Таким образом, традиционный суд может быть определён как публичный орган государственной власти, материализованный в физическом пространстве, осуществляющий правосудие посредством независимого и беспристрастного рассмотрения споров профессиональным судьёй с обеспечением процессуальных гарантий участия сторон, публичности разбирательства и мотивированности решений, опирающийся на государственный суверенитет и национальную юрисдикцию.

Традиционный суд неразрывно связан с материальным зданием суда, символизирующим власть, закон, публичность и связь с национальной юрисдикцией. Цифровизация коренным образом меняет указанную парадигму. Л. Малкахи ввела понятие «дематериализации» (dematerialization) судебного пространства, описывая *«дематериализацию нашего первичного пространства состязательной практики»* под влиянием видеотехнологий и цифровых средств коммуникации [5]. Под дематериализацией суда следует понимать процесс перехода судебной деятельности из физического пространства в цифровую среду, сопровождающийся утратой или трансформацией материальных, символических и перформативных характеристик традиционного правосудия. Р. Сасскинд формулирует данную проблему через ключевой вопрос: *«Суд — это услуга или место? Действительно ли нам нужно физически собираться вместе, чтобы решить все наши разногласия?»* [4]. Данная дихотомия является центральной для понимания дематериализации: суд как символическое место публичной власти трансформируется в суд «как сервис», что повышает его эффективность и доступность, но при этом может подрывать легитимность в глазах общества. Дематериализация порождает многообразие форм судебной деятельности. На основе систематизации современной литературы можно выделить следующие формы цифровой судебной деятельности: полностью онлайн-суды (все процессуальные действия осуществляются дистанционно, напр. интернет-суды Китая); гибридные суды (сочетание онлайн- и офлайн-этапов); платформенные суды, интегрированные с платформами онлайн-разрешения споров; децентрализованные арбитражи на блокчейне (Kleros, Aragon Court); AI-суды, в которых искусственный интеллект участвует в оценке доказательств и составлении проектов решений. Данное многообразие свидетельствует о том, что дематериализация не является линейным процессом перехода «из офлайн в онлайн», а представляет собой сложную связь различных моделей, каждая из которых по-разному соотносится с традиционными признаками суда.

В традиционной системе авторитет суда олицетворяет фигура судьи, являющегося экспертом в области права. Однако в условиях цифровизации появляются альтернативные механизмы [18, с. 28], где функции арбитров выполняют уже не юристы, а обычные граждане или алгоритмы. Децентрализованная арбитражная

система «Kleros», основанная на блокчейн-технологиях, представляет собой механизм, в котором «стражи» (jurors) без обязательного юридического образования разрешают споры посредством криптоэкономических стимулов [6]. Ф. Аст и Б. Деффен определяют три обязательных признака такого «децентрализованного правосудия»: DAO-структура на блокчейне, механизм криптоэкономических стимулов и восприятие справедливости участниками [7]. Интернет-суд в Ханчжоу (Китай) пошёл ещё дальше: здесь решения по ряду вопросов выносятся с участием искусственного интеллекта. Таким образом, происходит демонтаж монополии профессиональных юристов на отправление правосудия. Экспертиза перераспределяется от профессионального применения права к компетенциям в области технологий, что может кардинально изменить природу судебного авторитета.

В зарубежных правовых системах сложилась и получила развитие концепция «технологических судов». Под ними понимаются институты, создаваемые частными технологическими компаниями для разрешения споров и регулирования поведения пользователей. Первоначально данные суды действовали как самостоятельные цифровые сервисы, применяющие систему ODR в рамках общей системы цифровой платформы, в настоящее время их функционал существенно увеличился [8]. Так, К. Клоник в работе «The New Governors» (2018) первой систематически описала внутренние регуляторные системы платформ как формы управления, аналогичные государственным, с правилами, апелляционными процедурами и квази-судебным рассмотрением дел [9]. Л. Лессиг в классической работе «Code: And Other Laws of Cyberspace» обосновал, что архитектура кода регулирует поведение в киберпространстве столь же эффективно, как закон [10]. Под «технологическим судом» предлагается понимать институт, создаваемый частной технологической компанией или децентрализованной организацией для разрешения споров и (или) контроля за соблюдением правил платформы, обладающий внешними атрибутами судебного разбирательства (апелляционная процедура, мотивированные решения, участие экспертов), но функционирующий за пределами государственной юрисдикции и системы публичного правосудия.

Ярчайшим примером «технологического суда» является Совет по надзору (Oversight Board) компании Meta (деятельность признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации). Совет по надзору представляет собой орган, состоящий из международных экспертов, рассматривающий апелляции на решения платформы о модерации контента, решения которого формально обязательны для Meta. Однако правовая природа Совета по надзору остаётся дискуссионной. Э. Дуэк характеризует Совет как орган в *«сумеречной зоне»*: его *«решения похожи на судебные акты, но технически никого не связывают. Он претендует на толкование и применение созданного государством международного права прав человека, но не имеет государственного мандата на это»* [11]. Основу для развития подобных квази-институтов правосудия положило законодательство Евросоюза. Европейский Закон о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) [12] фактически легализует подобные органы, создавая многоуровневую систему обжалования решений платформ. Статья 21 DSA вводит институт внесудебного урегулирования споров через сертифицированные органы, при этом данные органы прямо лишены права навязывать сторонам обязательное урегулирование, что отличает их как от арбитража, так и от судебных решений.

Другим примером является судебная система Международного финансового центра в Абу-Даби (ADGM). Суды ADGM, учреждённые на основании Закона Абу-Даби № 4 от 2013 г., включают суд первой инстанции и апелляционный суд; 9 декабря 2018 г. ADGM открыл первый в мире полностью цифровой зал суда [13]. Законодательная база судов ADGM опирается на прямое применение английского общего права. В отличие от платформенных трибуналов Meta или Kleros, суды ADGM учреждены государственным актом и обладают принудительной юрисдикцией, что ставит их на границе между «технологическим судом» и полноценным государственным судом, перенесённым в цифровую среду.

На основании проведённого анализа предлагается следующий вывод относительно правовой природы «технологических судов». «Технологические суды» представляют собой квази-судебные органы, не являющиеся ни полноценными судами, ни классическими механизмами альтернативного разрешения споров (ADR). С одной стороны, «технологические суды» имитируют ключевые атрибуты судебного разбирательства: структурированную процедуру, мотивированные решения, апелляционный механизм. С другой стороны, они лишены конституирующих признаков суда: государственного мандата, подлинной независимости, принудительной исполнимости решений, подотчётности публичному праву. Само существование «технологических судов» не нарушает идею правосудия как публичного института при условии, что общество и государство осознают их квази-судебную, а не судебную природу. Опасность возникает тогда, когда конституционная метафора «Верховного суда» присваивается

корпоративным органам, создавая иллюзию публичного правосудия без его сущностного содержания. Если концептуальная трансформация наиболее заметна в западных странах, то практическая реализация цифровых судов наиболее ярко выражена в Азии, прежде всего в Китае. Китай является новатором в создании специализированных интернет-судов: Ханчжоуский интернет-суд был открыт 18 августа 2017 г., за ним последовали Пекинский (9 сентября 2018 г.) и Гуанчжоуский (28 сентября 2018 г.) интернет-суды [14].

Модель китайских интернет-судов характеризуется наличием полного онлайн-процесса: подача иска, уплата пошлин, представление доказательств, слушания и вынесение решения происходят дистанционно. Согласно ст. 1 Положений Верховного народного суда КНР, *«принятие дела, вручение документов, медиация, обмен доказательствами, досудебная подготовка, судебное заседание, оглашение решения и иные процессуальные действия, как правило, осуществляются онлайн»* [15]. Юрисдикция интернет-судов охватывает 11 категорий дел, включая споры из договоров онлайн-купли-продажи, цифровые авторские права, доменные имена. По данным Белой книги Верховного народного суда, к октябрю 2019 г. три интернет-суда приняли 118 764 дела, из которых 80 819 были рассмотрены полностью онлайн [16]. Особое значение имеет применение блокчейн-технологий для обеспечения неизменности и проверки подлинности электронных доказательств.

Опыт Китая демонстрирует, что государство может не просто адаптироваться к цифровым вызовам, но и активно формировать высокоэффективную, технологически детерминированную судебную систему, обеспечивающую быстрое и доступное правосудие для цифровой экономики. Индонезия, столкнувшись с ростом цифровых нарушений, также предпринимает шаги по цифровизации правосудия. Постановление Верховного суда (PERMA) № 3 от 2018 г. ввело систему электронного администрирования дел (e-Filing, e-Payment, e-Summons); PERMA № 1 от 2019 г. расширило систему, введя электронное разбирательство (e-Litigation); PERMA № 7 от 2022 г. закрепило полное электронное судопроизводство [17]. Однако индонезийская модель сталкивается с серьёзными ограничениями: отсутствием интеграции ИИ и блокчейна в судебные процессы, инфраструктурными проблемами (около 20% регионов не имеют стабильного доступа к интернету), кадровым дефицитом. Без комплексного подхода цифровизация правосудия рискует остаться поверхностной [19, с. 62], не решающей ключевые проблемы доступа к правосудию и усугубляющей цифровое неравенство.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубокой и многогранной трансформации правосудия под влиянием цифровых технологий в зарубежных странах. Происходит фундаментальное переосмысление суда: его материальность, монополия на юридическое принуждение и привязка к государственной юрисдикции частично уступают место виртуальным платформам, алгоритмическим решениям и частным «технологическим судам». Понятие «дематериализации» суда, введённое Л. Малкахи, описывает не просто технический переход к онлайн-формату, а качественное изменение природы правосудия: утрату символической, перформативной и архитектурной составляющих, которые на протяжении столетий обеспечивали легитимность судебной власти. Многообразие форм цифровой судебной деятельности — от полностью онлайн-судов Китая до децентрализованных блокчейн-арбитражей — свидетельствует о том, что единой модели цифрового правосудия не существует; каждая форма по-своему соотносится с традиционными признаками суда.

«Технологические суды», создаваемые частными корпорациями, представляют собой квази-судебные органы, имитирующие форму судебного разбирательства без его сущностного содержания: государственного мандата, подлинной независимости, принудительной исполнимости. Тенденции технологических компаний (масштабируемость, эффективность, удобство) проникают в сферу правосудия, вытесняя традиционные судебные ценности (беспристрастность, надлежащая правовая процедура, судебная независимость). На практике наблюдается разрыв между странами-лидерами цифрового правосудия (Китай), которые создают высокоэффективные и технологически продвинутые системы интернет-судов, и странами, находящимися в начале пути (Индонезия), где цифровизация ограничивается частичной автоматизацией существующих процессов. При этом развитие цифрового правосудия порождает серьёзные риски: угрозу легитимности и прозрачности алгоритмических решений, размывание ответственности частных корпораций за соблюдение прав человека, цифровое неравенство и отчуждение юристов от новых процессов. Вместо наблюдения за тем, как технологические компании переопределяют правосудие, государствам и правовому сообществу необходимо активно участвовать в формировании цифровой судебной системы будущего. Это требует не только технологических инвестиций, но и глубокой концептуальной работы по интеграции новых технологий в правовую систему при безусловном приоритете верховенства права, прав человека и государственного контроля.

Особый научный интерес в будущем может представлять сравнительно-правовое исследование опыта использования машиночитаемого права в зарубежных странах и последующее выявление связей указанной концепции с цифровой трансформацией правосудия, а также общей дефиниции для понятия «машина».

Список литературы:

[1] Meyerson D. What Is a Court of Law? // UNSW Law Journal. — 2019. — Vol. 42, No. 1. — P. 120—163.

[2] Fuller L. L. The Forms and Limits of Adjudication // Harvard Law Review. — 1978. — Vol. 92, No. 2. — P. 353—409.

[3] Resnik J., Curtis D. Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms. — New Haven : Yale University Press, 2011. — 720 p.

[4] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 368 p.

[5] Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. — London : Routledge, 2011. — 240 p.

[6] Bergolla L., Seif K., Eken C. Kleros: A Socio-Legal Case Study of Decentralized Justice & Blockchain Arbitration // Ohio State Journal on Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 37, No. 1. — P. 57—98.

[7] Ast F., Deffains B. When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. — 2021. — Vol. 4, No. 2.

[8] Чечулина А.А. Основные направления развития цифрового правосудия // Сборник научных трудов: Наука на современном этапе развития общества. – Сочи-Москва: Издательство НОУВО Международный инновационный университет, Московский инновационный университет. – С. 142-132.

[9] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131. — P. 1598—1670.

[10] Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. — New York : Basic Books, 2006. — 432 p.

[11] Douek E. Content Moderation as Administration // Harvard Law Review. — 2022. — Vol. 136. — P. 526—607.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act). // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 25.06.2026).

[13] ADGM Courts. URL: https://www.adgm.com/adgm-courts (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Chinese Courts and Internet Judiciary. White Paper of the Supreme People ‘s Court of China. — Beijing, 2019. // The Supreme People’s Court Of The People’s Republic Of China. URL: https://english.court.gov.cn/ (дата обращения: 25.06.2026).

[15] Положения Верховного народного суда КНР по нескольким вопросам рассмотрения дел Интернет-судами от 6 сентября 2018 г. (法释〔2018〕16号).

[16] Peraturan Mahkamah Agung Republik Indonesia Nomor 3 Tahun 2018, Nomor 1 Tahun 2019, Nomor 7 Tahun 2022 tentang Administrasi Perkara dan Persidangan di Pengadilan Secara Elektronik. // Situs Resmi Kepaniteraan Mahkamah Agung. URL: https://kepaniteraan.mahkamahagung.go.id/images/Perma-7_2022.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[17] Чечулина А. А., Дегтярев Д. Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука — 2026. — №1 — С. 28-31.

[18] Миннигулова А. Н. Перспективы развития государственности в России / А. Н. Миннигулова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 28-35.

[19] Шевелева С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64.

References:

[1] Meyerson D. What Is a Court of Law? // UNSW Law Journal. — 2019. — Vol. 42, No. 1. — P. 120—163.

[2] Fuller L. L. The Forms and Limits of Adjudication // Harvard Law Review. — 1978. — Vol. 92, No. 2. — P. 353—409.

[3] Resnik J., Curtis D. Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms. — New Haven : Yale University Press, 2011. — 720 p.

[4] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 368 p.

[5] Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. — London : Routledge, 2011. — 240 p.

[6] Bergolla L., Seif K., Eken C. Kleros: A Socio-Legal Case Study of Decentralized Justice & Blockchain Arbitration // Ohio State Journal on Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 37, No. 1. — P. 57—98.

[7] Ast F., Deffains B. When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. — 2021. — Vol. 4, No. 2.

[8] Чечулина А.А. Основные направления развития цифрового правосудия // Сборник научных трудов: Наука на современном этапе развития общества. – Сочи-Москва: Издательство НОУВО Международный инновационный университет, Московский инновационный университет. – С. 142-132.

[9] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131. — P. 1598—1670.

[10] Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. — New York : Basic Books, 2006. — 432 p.

[11] Douek E. Content Moderation as Administration // Harvard Law Review. — 2022. — Vol. 136. — P. 526—607.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act). // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 25.06.2026).

[13] ADGM Courts. URL: https://www.adgm.com/adgm-courts (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Chinese Courts and Internet Judiciary. White Paper of the Supreme People ‘s Court of China. — Beijing, 2019. // The Supreme People’s Court Of The People’s Republic Of China. URL: https://english.court.gov.cn/ (дата обращения: 25.06.2026).

[15] Положения Верховного народного суда КНР по нескольким вопросам рассмотрения дел Интернет-судами от 6 сентября 2018 г. (法释〔2018〕16号).

[16] Peraturan Mahkamah Agung Republik Indonesia Nomor 3 Tahun 2018, Nomor 1 Tahun 2019, Nomor 7 Tahun 2022 tentang Administrasi Perkara dan Persidangan di Pengadilan Secara Elektronik. // Situs Resmi Kepaniteraan Mahkamah Agung. URL: https://kepaniteraan.mahkamahagung.go.id/images/Perma-7_2022.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[17] Чечулина А. А., Дегтярев Д. Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука — 2026. — №1 — С. 28-31.

[18] Миннигулова А. Н. Перспективы развития государственности в России / А. Н. Миннигулова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 28-35.

[19] Шевелева С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64.

